

7. Kulišić Š. O etnogenezi Crnogoraca / Špiro Kulišić. – Titograd, 1980
8. Terzić S. Ideološki koreni crnogorske nacije i crnogorskog separatizma / Terzić Slavenko // Slovo o Crnoj Gori : Srpski forum Crne Gore, Vijeće narodnih skupština. – Podgorica, 2001.
9. Popović M. Crnogorsko pitanje / Milan Popović. – Podgorica, 1999.
10. Stedimlija S. M. Crvena Hrvatska / S. M. Stedimlija. – Split, 1937.
11. Stedimlija S. M. Osnovi crnogorskog nacionalizma / S. M. Stedimlija. – Zagreb, 1937.

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ФЕНОМЕНА МАРГИНАЛЬНОСТИ В XIX–XX ВВ.

А.Б. Истилеева
(Россия, Астрахань)

Аннотация. В статье рассматривается осмысление и понимание маргинальности в культуре в XIX–XX вв. Исследуется термин «маргинальность», первоначально сформированный в русле социальной философии (К. Маркс, Г. Зиммель). Анализ данного феномена в рамках экзистенциализма (К. Ясперс) приводит к выделению маргинальности из пограничной ситуации. В статье также исследуется культура постмодернизма, в которой маргинальность меняет свой пограничный статус и утрачивает специфику противопоставления норме.

Annotation. The article considers the comprehension and understanding of marginality in the culture in the XIX–XXth centuries. We study the term “marginality”, which originally emerged in the mainstream of social philosophy (K. Marx, G. Simmel). Analysis of this phenomenon within the framework of existentialism (K.I Jaspers) leads to the selection of marginality of the border situation. The article also explores the culture of postmodernism, in which marginality changes its border status and loses its specificity of opposing the norm.

Ключевые слова: маргинальность, маргинальная культура, социально-экономический процесс, аутсайдер, чужак, пограничная ситуация, экзистенциализм, постмодернизм, периферия, норма.

Key words: marginality, marginal culture, socio-economic process, outsider, stranger, border situation, existentialism, postmodernism, periphery, norm.

Собственно понимание и осмысление маргинальной культуры произошло уже в XX в. Однако принципиально иное, новое понимание культуры вообще и маргинальной в частности начинается с XIX в. В рамках данной статьи важным является анализ концепции К. Маркса по вопросам изучения культуры как целого и маргинальной культуры как части этого целого.

Немецкий мыслитель в своих произведениях понятие маргинальности не использовал. Однако его изучение люмпен-пролетариата созвучно исследованиям в области маргинальной культуры. Описывая культуру в работе «Экономическо-философские рукописи», немецкий философ пришел к выводу об определяющей роли материального производства в жизни общества, в работе «Критика политической экономии» в общих чертах разработал теорию прибавочной стоимости. Все существенные следствия прибавочной стоимости были описаны им в фундаментальном труде «Капитал» [7, с. 660]. Здесь же он раскрыл механизм функционирования капиталистического способа производства, источник и сущность эксплуатации пролетариата буржуазией, нарастание основного классового антагонизма капиталистического общества.

Согласно К. Марксу, «...процесс, создающий капиталистическое отношение, не может быть ничем иным, как процессом отделения рабочего от собственности на условия его труда, – процессом, который превращает, с одной стороны, общественные средства производства и жизненные средства в капитал, с другой стороны, – непосредственных производителей в наемных рабочих» [7, с. 726–727]. Этот процесс привел к созданию не только армии наемных рабочих, но и огромной промышленной

резервной армии, которая, с одной стороны, служила источником пополнения рабочего класса, а с другой – постоянно умножала ряды той части населения, которую процесс перераспределения собственности вытолкнул из общественных структур.

По существу, ученый исследовал экономический механизм постоянного воспроизводства «излишней» (или «добавочной») части рабочего населения в процессе развития капиталистических производственных отношений, рассматривая ее как следствие свойственного капиталистическому способу производства закона народонаселения. Термин «маргинальность» в то время еще не употреблялся, однако описание К. Марксом той части населения, которая образуется вследствие действия свойственного капиталистическому способу производства закона народонаселения, созвучно концепции маргинальности, сложившейся в европейской истории. «Значительные массы людей внезапно и насильственно отрываются от средств существования и выталкиваются на рынок труда в виде поставленных вне закона пролетариев» [7, с. 662]. Относительно избыточное население, которое появляется в результате выражения основных противоречий капиталистического способа производства, К. Маркс обозначал как проблемное и разделял его на «социальный мусор» и «социальный динамит». «Социальный мусор» он характеризовал как достаточно дорогую, но безвредную ношу для общества [7, с. 662]. Примером его в современных обществах служат пожилые люди, инвалиды, душевнобольные и умственно отсталые. «Социальный динамит», по его мнению, это молодые, отчужденные и непостоянные в своих политических взглядах индивиды и группы, которые представляют потенциальную базу социальных потрясений в обществе [7, с. 662].

Кроме того, немецкий философ отдельно выделял «низший осадок» избыточного населения, обитающий «в сфере пауперизма». Так, анализируя противоречия, присущие капиталистическому способу производства, он описывает механизм образования периферийных маргинальных слоев. «Поставленный вне закона пролетариат поглощался нарождающейся мануфактурой далеко не с той быстротой, с какой он появляется на свет. С другой стороны, люди, внезапно вырванные из обычной жизненной колеи, не могли столь же внезапно освоиться с дисциплиной своей новой обстановки. Они массами превращались в нищих, разбойников, бродяг – частью из склонности, в большинстве случаев под давлением обстоятельств» [7, с. 662]. Исследователь указывает, что на основе относительного перенаселения складывается низший слой общества. К нему он причисляет бродяг, преступников, проституток, пауперов и их детей, неработоспособных. Таким образом, в своих трудах К. Маркс показал, что абсолютный, всеобщий закон капиталистического накопления приводит к маргинализации. Он описал социально-экономические процессы, следствием которых является образование периферийных социальных слоев, теряющих возможности участвовать в жизни общества.

Близким по звучанию маргинальной личности может быть феномен «чужака», который исследовал в своих работах немецкий философ и социолог Георг Зиммель. Многие современные социологи (С. Баньковская, А. Филиппов) говорят о том, что именно Г. Зиммель предвосхитил и актуализировал в XIX в. исследования по маргинальности [1, с. 28]. Проблемы взаимодействия индивида с представителями чуждого ему общества немецкий философ рассмотрел в работе «Экскурсы о чужом» [4, с. 156]. Философ анализирует понятие чужака – человека, оказавшегося в группе, отличающейся от него по разным критериям (экономическим, культурным, социальным). Чужак – это пространственно чужой, поскольку группа идентифицирует себя с определенным пространством, а он приходит извне. «Чужак, – определяет он, – это не тот, кто приходит сегодня, чтобы уйти завтра. Он приходит сегодня, чтобы остаться назавтра. Но, оставаясь, он продолжает быть чужаком. Группа и чужак разнородны, в целом же они образуют некое более широкое единство, в котором необходимо принимать во внимание обе стороны. В истории чужак выступал как торговец, а торговец – как чужак. Чужаку свойственна объективность, потому что он не запутан во внутригрупповых интересах. Но потому он также и свободен, а значит, подозрителен. И часто он не только не может разделить с группой ее симпатии и антипатии, и по-

этому кажется человеком, который хочет разрушить существующий порядок, но и действительно становится на сторону "прогресса", против господствующих обычаев и традиций» [4, с. 125].

Ключевым критерием для определения чужака служит «единство близости и удаленности» чужака по отношению к группе. Такое единство может обозначать дистанцию, границу, мобильность, фиксированность. Чужак не связан определенно ни с одной группой, он противопоставлен им всем. Объективность и свобода чужака определяют и специфический характер близости с ним: отношения с чужаком абстрактны, с ним можно разделять лишь самые общие черты, те, которые объединяют любого человека с любым. Процесс отдаления, отчуждения (превращения в чужака) показан как процесс универсализации. Общность черт между людьми, по мере ее распространения на большую совокупность, отдаляет их друг от друга. Чем более уникально то, что их связывает, тем теснее связь. Чем более это общее выходит за пределы их отношений, тем менее тесны эти отношения. Такого рода общности универсальны и может связывать кого угодно: основой таких отношений могут служить, например, «общечеловеческие ценности» – деньги. Универсальность общности усиливает в ней элемент случайности, связующие силы утрачивают специфический центростремительный характер. По определению исследователя, «чужой – это человек, имеющий ограниченные связи в данном кругу и недостаток информации о нем, характеризующийся спецификой установок чужака по отношению к другим людям и установок по отношению к нему самому» [6, с. 61]. Таким образом, Г. Зиммель одним из первых в социальной философии определил и очертил статус маргинальности.

В культуре XX в. следует выделить традицию анализа ситуации в экзистенциализме. С точки зрения философии экзистенциализма, индивид всегда находится в какой-либо ситуации и не может выйти из нее, не попав в другую. В понимании ситуации акцент делается на моменте сопротивляемости, тем самым подчеркивается сущность человеческой конечности и переходности.

По мнению немецкого философа К. Ясперса, «мысль покончить с собой будет утешительна для измученного, беспомощного больного или старика, брошенного в нищете, для того, кому угрожает падение уровня существования. Тогда смерть кажется избавлением. Когда совпадают неизлечимое заболевание, потеря средств к жизни и полная изоляция в мире, собственное существование – не вообще, а только то, которое осталось, – может отрицаться с совершеннейшей ясностью, без всякого нигилизма. Это граница, за которой существование уже не может быть обязанностью: когда более невозможен процесс самостановления, физическая боль и требования мира становятся настолько уничтожающими, что я не могу более оставаться тем, кто я есть; если, хотя мужество и не исчерпано, но физические возможности убывают вместе с силой, и когда нет никого на свете, кто, любя меня, удерживал бы мое существование. Глубочайшему страданию можно положить конец, хотя – и потому что – готовность и к жизни и к коммуникации остаются величайшими» [9, с. 217–218].

Ограниченность человека ситуацией проявляется в самом факте постоянного пребывания в ней. При этом возникают другие моменты ограниченности нашего бытия, противостоящие ему в качестве непреодолимых преград. Это ситуации, принадлежащие личному бытию. Сюда относятся болезнь, утрата близких людей, неизбежность смерти человека, независимое от действия и бездействия чувство вины, страдания и боль, одиночество перед миром. Это, так называемые, пограничные ситуации.

Характеризуя пограничные ситуации, К. Ясперс, пишет: «Они не изменяются (разве лишь внешне); относясь к нашему бытию, они являются окончательными. Они необозримы; в нашем существовании мы не видим за ними ничего прочего. Они представляют собой стену, на которую мы наталкиваемся, о которую мы разбиваемся. Нам нужно не изменять их, а лишь добиваться их ясности, ибо мы не в силах объяснить их, вывести из чего-то другого. Они существуют наряду с самим нашим бытием» [2, с. 85]. Пограничные ситуации противопоставлены любой успокоенности в гармоничном и замкнутом образе мира, они поддерживают в человеке в бодрствующем состоянии то беспокойство, которое гонит его вперед. Пограничные ситуации

как бы ведут человека от личного бытия (реального бытия) к экзистенциальному существованию (воплощению, идеалу бытия).

Таким образом, для философа ситуация как нечто довлеющее над человеком имеет значение «бытийного пункта». А пограничные ситуации с их кризисным содержанием являются основанием для смысложизненной рефлексии, провоцируя человека на размышления о его «подлинном» и «неподлинном» существовании, смысле жизни. «Из-за того что человек во всем своем познании еще не находит себя познанным и вносит предметное познание в свой философский процесс, он еще раз прорывается, на этот раз через самого себя. То, что он утерял, когда был полностью предоставлен самому себе, может вновь открыться ему в новом образе. Лишь на мгновительное заблуждение в безнадежности своего голого существования он считал себя тождественным происхождению всего как познающий. Стремясь серьезно понять самого себя, он обнаруживает опять то, что больше, чем он. В мире он вновь обращается к объективности, которая грозила застыть для него в безразличии или потерять в субъективности; он схватывает в трансцендентности бытие, которое он в своей свободе, представляющей ему явлением существования, смешивал с собой в качестве самобытия» [8, с. 328]: т.е. в экзистенциальной философии ситуация предстает как «переживаемое».

В самом анализе маргинальной культуры в целом прослеживается экзистенциальный смысл. В этом аспекте маргинальные ситуации, как правило, «навязаны» человеку макросоциальными процессами, при этом далеко не во всех случаях ему предоставляется возможность для «выхода». В таком случае маргинальная ситуация становится фоном человеческого существования, с ней можно только смириться, иметь в виду, обдумывать, принимать.

К. Ясперс также выделяет бессознательные ситуации, когда они «оказывают воздействие так, что тот, кого это касается, не знает, как это происходит», и осознанные – «наличные для сознающей самое себя воли, которая может их принять, использовать и изменить. Ситуация, ставшая осознанной, взывает к определенному поведению. Благодаря ей не происходит автоматически неизбежного; она указывает возможности и границы возможностей: то, что в ней происходит, зависит также от того, кто в ней находится, и от того, как он ее познает. Само постижение ситуации уже изменяет ситуацию, поскольку оно апеллирует к возможному действию и поведению» [8, с. 301]. Следовательно, увидеть ситуацию означает начать господствовать над ней, а обратить на нее пристальный взор – борьбу воли за бытие, т.е. борьбу человека за самоценность и самоутверждение.

Таким образом, К. Ясперс выделил пограничные ситуации, которые впоследствии приводят человека к осознанию себя в качестве маргинальной личности. Сам индивид может этого не осознавать, но осознанно или неосознанно он творит новую культуру. Или же он остается в рамках старой культурной системы.

Новый импульс в понимании маргинальности связан с философией постмодернизма. Постмодернизм взял на вооружение теорию маргинальности применительно к разнообразным культурным традициям. «В определенном смысле и постструктурализм, и постмодернизм могут быть охарактеризованы как проявления феномена маргинальной культуры – специфического фактора именно модернистско-современного модуса мышления, скорее даже самоощущения, творческой интеллигенции XX в.» [5, с. 22].

Теоретики структурализма (К. Леви-Строс, М. Фуко, Ж. Деррида, Ж. Лакан, Р. Барт, Л. Альтюссер), использовали понятия «маргинальный субъект», «маргинальное пространство», «маргинальное существование», возникающие в «просвете», «зазоре» между структурами и обнаруживающие свою пограничную природу при любом изменении, сдвиге или взаимопереходе структур. Однако их функция в синхроничной перспективе бинарных оппозиций минимальна, ибо их присутствие, а точнее, заполнение пространства между последними, является лишь индикатором нормального функционирования структурно упорядоченного универсума [5, с. 25].

В постструктурализме понятие «маргинальность» не только значительно изменяется, но и уменьшается его самоидентичность. Происходит это благодаря идее

децентрации Ж. Дерриды. Эта концепция не просто меняет местами привилегированный и подчиненный объекты, а уничтожает саму идею первичности, отстаивает идею различения, инаковости, сосуществования множества не тождественных друг другу, но равноправных инстанций. Благодаря этому традиционное разграничение значимого и незначимого, обоснованного и эпифеноменального снимается. «Отсутствие центра структуры (по Ж. Деррида, мысль о структуре исключает мысль о центре) предполагает отсутствие и главного, трансцендентального априорного означаемого. Уничтожается также представление об абсолютном смысле. С исчезновением "центра", являвшегося средоточием и символом власти, исчезает и понятие господствующей, доминантной "высокой" культуры (эта установка "доминирует" в постмодернистском искусстве)» [3, с. 67].

Режим «деспотического означающего» уступает место принципу детерриториализации, в результате чего изменяется маргинальное положение «носителя желания» в детерриторизованном пространстве. Наиболее адекватно передает новый образ постмодернистского пространства понятие «ризома».

Французский философ М. Фуко полагает, что невозможно рассуждать о подлинной маргинальности в рамках бинарной оппозиции, ибо идентифицировать ее как таковую можно лишь в отсутствии всякой нормы и авторитарного образца. Так, анализируя антитезу «норма – патология» и структуру властных отношений, он показывает, что аутсайдеры, «социальное дно», психически больные, иначе говоря, все девианты, не являются маргиналами в собственном смысле слова, поскольку их существование обусловлено наличием нормы, а опыт маргинального существования не может быть вписан внутрь институциональных стратегий. Господству этого культурного бессознательного французский философ противопоставляет деятельность «социально отверженных»: безумцев, больных, преступников и, естественно, в первую очередь, художников и мыслителей.

Таким образом, маргинальность первоначально сложилась в русле социальной философии как продукт социально-экономических процессов, сформировавших периферию. В рамках экзистенциализма в середине XX в. понимание и определение маргинальности выводилось из пограничных ситуаций, в которых индивид осознавал себя маргинальной личностью. В постмодернизме произошла полная универсализация понятий «маргинальность», «маргинальная личность», «маргинальная культура». В плюралистичном, ризомном постмодернистском мире отсутствуют границы структур, и маргинальность начинает существовать вне этих структур.

Библиографический список

1. *Баньковская С.* Чужаки и границы: к понятию социальной маргинальности / С. Баньковская // Отечественные записки. – 2002. – № 6. – С. 14–38.
2. *Большов О. Ф.* Философия экзистенциализма / О. Ф. Большов. – СПб. : Лань, 1999. – 222 с.
3. *Деррида Ж.* Тексты деконструкции / Ж. Деррида. – Томск, 1999. – 160 с.
4. *Зиммель Г.* Избранное / Г. Зиммель. – М. : Юрист, 1996. – Т. 1. – 671 с.
5. *Ильин И. П.* Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа / И. П. Ильин. – М. : Интрада, 1998. – 255с.
6. *Ионин Л. Г.* Г. Зиммель – социолог : критический очерк / Л. Г. Ионин. – М., 1981. – 129 с.
7. *Маркс К.* Капитал. Критика политической экономики. Процесс производства капитала / К. Маркс, Ф. Энгельс // Избранные сочинения : в 9 т. – М., 1987. – Т. 7. – 811 с.
8. *Ясперс К.* Смысл и назначение истории / К. Ясперс. – М., 1994. – 527 с.
9. *Ясперс К.* Философия в будущем / К. Ясперс // Феномен человека : антология. – М. : Высшая школа, 1993. – 300 с.